



Внеконкурсная подборка, присланная на Отборочный тур Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2017". В случае прохождения Отборочного тура автор будет допущен до участия в 1-м туре конкурса.

Коулрофобия

«На мели мы лениво ловили линя...»
Недоловленный линь, неудавшийся выход
молчаливой Пьереттой в сценарии дня,
где овации зала шутам и шутихам.
Не шути о шутах.
Здесь давно в колпаке
каждый третий, а первый стократ околпачен.
И, сжимая бенгальский огонь в кулаке,
четким строем идут арлекинские мачо
в разноцветном трико, круглоносы, лихи.
«Вот и я!» тут и там.
Берегись, несмеяны.
Пошлость – норма речей,

что ни глупость, то - хит,
что ни лозунг, то - бред,
что ни взгляд, то — стеклянный.
Оловянный солдат, деревянный болван...
Размалёванный «янг» охмурит под копирку.
«На мели мы...»
Растролленный левиафан
сеет споры по тварям, по весям и циркам,
инфицирует стёбом трагичный реал,
истекает злословьем гогочущих бесов.
...Торопясь под софиты /беснуется зал/,
не смотрюсь в зеркала.
Я боюсь клоунессы...

Мартовское

Первый месяц тепла...
Обережно качают ветра
свечи тонких берёз.
От порога оттаявших дней
уползут холода, поджимая на первых порах
потемневшие лапы ленивых сугробных зверей.
Распалются сосульки до сброса карнизных оков.
Март засеет шоссе черновым многоточием луж,
снимет шубы с прохожих, поманит домашних котов
позывными природы, которых и homo не чужд.
Воздух волглой весны вездесущ,
резидентом внедрён
в застеколье хрущёвок, визитки гламурных витрин,
придыханье на гласных внезапно оживших имён
позабывших историй, что выдумал сказочник Грин.
Поплывёт переулком флотилия серых домов
мимо стаек машин, маяков светофорных и встреч
пешеходов на зебрах...
И завязью ясельных слов
прорастает строка там, где за зиму вымерзла речь...

Ни зги

вытягивая буковки тоски
из облаков над крышами высоток
слагаешь оголтелое «ни зги»
на схеме наладонного «ну, что там?».
хирей твой хайр, хреновый хиромант,
нет транспарантов на холме венеры
с обрывками околоплодных мантр

«я - человек, я - бог, я - первый в первом».
в переплетеньях крови и судьбы
предаст исход геномный код адама,
сбойнув, осоловелое «кабы»
свернёт в азы, где мама моет раму.
остервенело моет день за днём,
до скрипа, до мозолей на ладонях,
до выдоха «иди оно конём»
троянским, где улисс - известный конюх.
мирами рам слоится мамин мир,
и хмарь, и хмурь, и дым отчизн и тризен,
где «людк, а людк» взывает хан ратмир,
грозит перстом пелевину фонвизин,
где пять старух равняются рублю,
а целину кромсают лемехами...
и в раме - мир, который я люблю,
с засохшими межрамными стихами...

